

Когда сила достигает предела, никакие хитрости и козни уже не могут напугать - подавляющая мощь превосходит всё, раздавливая ложь, как гора раздавливает муравейник. Именно в таком положении находились сейчас Чанькунь Чжуоюй и Ли Синлунь: их присутствие само по себе было законом, их шаги - приговор для всех, кто осмелится сомневаться. Увидев, что даже туман Сотни Цветов не оставил на них следа, Учёный Бай понял, что все его мелкие уловки больше неуместны, и потому он покорно повёл их дальше, не смея даже вздохнуть громче.

Ещё до их прибытия он отправил бумажного журавлика с известием о происшествии, и к моменту, когда они переступили порог Долины Сотни Цветов, глава секты уже ожидала их у входа, стоя среди буйства ароматных цветов, будто сама была одной из них - прекрасной, ядовитой и недоступной.

Ран Цэньцэнь, глава секты Сотни Цветов, была женщиной племени мяо, чья красота не была мягкой, как у дочерей Центральных равнин, а была резкой, живой и полной скрытого вызова, как удар барабана в полночь. Издали мастер и ученик уже увидели её. На голове её сверкал искусно выкованный серебряный венец, украшенный шестью неровными крыльями, выгнутыми в форме драконов, играющих с жемчужиной; поверх него были установлены рога быка высотой около метра, на концах которых развевались разноцветные ленты, придавая ей вид царицы древнего племени. На шее висели многослойные серебряные ожерелья, в ушах - крошечные колокольчики, каждый элемент её облика отражал свет, будто она была слеплена из самого месяца. При малейшем дуновении ветра серебро чисто, звонко, как голос птицы над пропастью, звенело.

На ней был складчатый наряд, рукава украшены узорами из сплетённых змей алого цвета, края обрамлены полосой серебряных украшений; красное и белое переплетались, создавая ощущение пламени, танцующего вокруг льда, и делали её образ особенно завораживающим.

В отличие от Учёного Бая, одетого как человек Центральных равнин, Ран Цэньцэнь была типичной женщиной мяо - страстной, свободной, не признающей границ между чувством и силой. Сначала она стояла у ворот с выражением яростного вызова, всем своим видом говоря: «Пусть ты и мастер Великого Вознесения, но я не отступлю». Но стоило ей увидеть лицо Чанькуня Чжуоюя, как вся её ярость растаяла, словно снег под весенним солнцем, и на лице появилась широкая, почти игривая улыбка.

Женщины мяо по своей природе страстны. Она могла бы встретить любого старшего мастера с холодным достоинством, но перед мужчиной такой красоты, как Чанькунь Чжуоюй, она готова была распахнуть двери секты даже без формальностей.

Так что Учёный Бай, который надеялся, что глава секты встанет на его сторону и накажет наглецов, услышал в ответ лишь строгий выговор:

— Почётные гости прибыли, а ты заставил их идти пешком? Почему не отправил нефритовую повозку, чтобы встретить их?

Учёный Бай: ...

Госпожа... это же не то, что вы писали! Ещё минуту назад вы ответили бумажным журавликом: «Сначала приведи их сюда. Секта Сотни Цветов не терпит оскорблений. У нас множество ловушек, и даже мастер Великого Вознесения пожалеет».

Но теперь Ран Цэньцэнь будто забыла обо всём. Она протянула ладонь, чтобы взять Чанькуня Чжуоюя под руку. Рукава у женщин мяо короткие, и при движении блеснуло белоснежное запястье, обрамлённое серебряным браслетом. В ней не было той сдержанной нежности, которую ценят в Центральных равнинах, зато была особая, экзотическая притягательность, исходящая из уверенности в себе и связи с древними духами.

Но как только её пальцы почти коснулись его руки, Ли Синлунь тихо прочистил горло. Чанькунь Чжуоюй тут же взмахнул широким рукавом, и плавно, почти незаметно, не грубо, не с презрением, но с такой чёткой невозможностью прикосновения, будто между ними внезапно возникла стена из воздуха, отстранился.

Он не произнёс ни слова о том, что «между мужчиной и женщиной должно быть расстояние», но каждое его движение говорило ясно: «Я не хочу, чтобы ты меня касалась».

Ран Цэньцэнь сразу нахмурилась. Она не из тех, кто скрывает свои чувства.

— Что случилось? — Саркастично усмехнулась она — Неужели этот прекрасный юный господин считает, что руки нашей секты, всегда занятой ядами и покрыты грязью? Или боишься, что я причиню тебе вред?

Ран Цэньцэнь была не просто главой секты, она была святой племени мяо, просветлённой, выбранной духами. В её крови жили воспоминания поколений святых, передаваемые от матери к дочери, и благодаря этому она культивировала с невероятной скоростью, всего за столетие достигнув уровня Зарождения Души, достижение, которого в Центральных равнинах считалось бы чудом, достойным летописей.

Выросшая в такой среде, поддерживаемая старейшинами секты, она была прямолинейной по натуре. Даже зная, что перед ней, возможно, мастер Великого Вознесения, она не могла сдерживать обиды. Обычная женщина на позднем этапе Зарождения Души не представляла бы угрозы для истинного эксперта, но как святая, известная в Центральных равнинах как «ведьма», её сила питалась ядами Гу. Все техники секты Сотни Цветов основывались на яде, и даже её токсины на уровне Зарождения Души могли свалить мастера Перерождения Души. Именно поэтому она имела право гневаться или радоваться по своему желанию, её сила позволяла быть искренней.

Даже рассерженная, она была прекрасна, как цветок, распустившийся в бурю. А Чанькунь Чжуоюй всегда ценил красоту. Иначе бы он не стал брать в ученики именно Ли Синлуна.

(Ой... а это случайно не секрет?)

Ли Синлунь, с бровями, острыми как клинки, и глазами, сияющими, как звёзды, был исключительным талантом, самым выдающимся потомком семьи Ли за всю историю клана. При его рождении один из старейшин Куньлуня лично провёл обследование и произнёс:

— Если он сможет сформировать Золотое Ядро в течение столетия, семья должна отправить его в Куньлунь. С таким даром он может стать внутренним учеником, возможно, даже личным учеником патриарха, и преодолеть исторический предел семьи на стадии Золотого Ядра.

[Куньлунь — величайшая праведная секта мира культивации.]

Чанькунь Чжуоюй восхищался красотой Ран Цэньцэнь не похотливо, не с жадностью, а как художник - чистым, почти бессмертным взглядом на то, что прекрасно само по себе. Увидев её гнев, он спокойно произнёс:

— Нет, совсем не так. Встречая цветок, распустившийся на пути, я лишь боюсь, что моё прикосновение может повредить его лепестки и омрачить его красоту. Это было бы истинной трагедией.

Смысл был ясен: Я настолько силён, что даже не могу гарантировать, что моя энергия не разрушит тебя. Не прикасайся ко мне, если отдача исказит твой облик, это будет потеря для всего мира.

Ли Синлунь и Учёный Бай, поняв скрытый смысл, едва сдержали дрожь в губах. Только Чанькунь Чжуоюй мог говорить такие слова с такой невозмутимостью - не с высокомерием, не с угрозой, а будто констатируя погоду: «Дождь идёт». Его беззаботность была страшнее любого вызова, она вызывала зуд в зубах, как скрип камня по стеклу.

Но Ран Цэньцэнь ничего не поняла.

Она не владела изошрёнными, намёками напичканными оборотами речи Центральных равнин. Для неё эти слова значили: Ты прекрасна. Я боюсь обидеть такую нежную женщину. А какая женщина не обрадуется, услышав от красивого мужчины, что она цветок? Ран Цэньцэнь застенчиво коснулась серебряных подвесок на своём венце, и те зазвенели, как ветер в горах.

— Я правда красивая? Так же, как цветы этой долины?

— Дикие цветы долины не могут сравниться с живой красотой Главы секты, — ответил Чанькунь Чжуоюй, оглядывая её серебряный наряд с искренним интересом. — Вы действительно великолепны.

Интересно, а мне стоит сделать себе такой же?

После нескольких таких обменов любезностями Ран Цэньцэнь уже вся светилась от

удовольствия, больше не пыталась прикоснуться к нему, а вместо этого, старательно подражая обычаям Центральных равнин, сделала рукой приглашающий жест и сказала:

— Почтенный гость, прошу, присаживайтесь. Я знаю, вы, люди Центральных равнин, обожаете чай, потому приготовила для вас духовный чай, заваренный утренней росой, собранной с наших цветов. Прошу, господин Чанькунь, попробуйте. И если уж наша секта Сотни Цветов сможет чем-то служить вам, как мы с радостью выполним вашу просьбу, стоит лишь вам предложить достойный обмен.

Она не назвала его «старшим», а обратилась как «господин», не желая занижать своё положение. Как глава секты Сотни Цветов, хоть и молодая, её статус был равен статусу других патриархов. Она и Чанькунь Чжуоюй были, в лучшем случае, равными по рангу.

Ран Цэньцэнь повела их дальше. Услышав, что торговля возможна, Чанькунь Чжуоюй бросил взгляд на Ли Синлуна и торжествующе, как ребёнок, получивший сладости, тайком показал ему большой палец вверх.

Ли Синлунь: ...

Пока Ран Цэньцэнь и Учёный Бай отвернулись, он шагнул вперёд, резко сжал руку Чанькуня Чжуоюя и, прячась под широким краем своего бамбукового колпака, беззвучно прошептал губами:

— Соберись. Не порти имидж сейчас.

Хотя шляпы скрывали их от глаз остальных, Чанькунь Чжуоюй видел всё так же ясно, как когда-то Ли Синлунь не смог разглядеть его сквозь белый туман. Он чётко прочитал его губы, мгновенно опустил палец, повернул голову и снова стал тем, кем должен быть - величественным, недоступным, как луна над пропастью. Один взмах рукава, и он снова был непроницаем, как горная вершина в облаках.

Хотя внутри всё ещё тряслись колени, Ли Синлунь наконец выдохнул с облегчением и вытер пот со лба.

Шагая позади, Учёный Бай был ошеломлён. Обычно их глава относилась к мужчинам с презрением, называла их «грязными самцами», и если кто-нибудь осмеливался сравнивать её с цветком, она тут же отравляла ему язык. Её любимая фраза: «Красота этой Главы секты не для того, чтобы грязные мужчины болтали о ней».

А сегодня она полностью изменилась, и позволила Чанькуню Чжуоюю, под маской комплимента, по сути, оскорбить её, и не только не рассердилась, но даже покраснела. Учёный Бай чувствовал себя так, будто его ударило молнией в сердце.

Бедный Учёный Бай не понимал простой истины, что в любом мире, в любую эпоху внешность имеет значение. Мужчины, которые каждый день пилились на Ран Цэньцэнь, не стоили и одного волоска на голове Чанькуня Чжуоюя. Кто станет обращать внимание на их комплименты, если рядом проходит бессмертный?

Архитектура секты Сотни Цветов резко отличалась от построек Центральных равнин, здесь повсюду царила экзотическая, дикая красота: дома из тёмного дерева, украшенные змеиными символами, крыши, изогнутые, как спиной дракона, алтари, где горели благовония странного запаха. Единственное, что выглядело знакомо, это фарфоровые чашки на столе, изящные, как крылья бабочки, привезённые из Центральных равнин.

Именно такие они и должны быть, — подумал Чанькунь Чжуоюй, хотя, конечно, не мог знать, откуда у него это знание, ведь он забыл всё.

Ран Цэньцэнь лично разлила чай для Чанькуня Чжуоюя. Когда он снял крышку, в воздух поднялся аромат, сладкий и одновременно терпкий, как дыхание леса после дождя. Его брови чуть расслабились, он учтиво кивнул ей и, с изяществом, будто делал это всю жизнь, сделал первый глоток.

Заваренный из утренней росы цветов ... звучит красиво. Но это же секта Сотни Цветов. За пределами уже действует защитный массив в виде цветочного тумана. Какой же «полезный» чай они могут подавать? Ли Синлунь внутренне напрягся, но мог лишь наблюдать, как Чанькунь Чжуоюй пьёт. Это было испытание. Если они хотят получить что-то от секты Сотни Цветов, то они должны доказать, что достойны.

Глаза Ран Цэньцэнь, яркие, как угли, не отрывались от Чанькуня Чжуоюя. Когда она увидела, что он пьёт, не меняя выражения лица, не активируя истинную энергию, чтобы нейтрализовать возможный яд, её охватило изумление, и она невольно воскликнула:

— Господин Чанькунь, вы и впрямь божественны! Мой «Роса Сотни Цветов» содержит суть всех цветов долины. Сначала она вызывает головокружение и ослабляет силы, но после короткой медитации цветочная энергия наполняет тело - это одновременно и яд, и не яд, и крайне полезный для культиваторов. Мы не подаём этот чай просто так.

Она добавила:

— Сама я ещё юна и никогда не видела, чтобы кто-то пил этот чай. Но старейшины говорят, что чем быстрее человек восстанавливается после выпитого, тем выше его уровень культивации. За тысячи лет лишь один человек выпил его, не изменившись в лице - это мастер демонической секты Сюэ Цяньцзе, две тысячи лет назад.

[П.П/ Сюэ Цяньцзе — букв. «Тысяча бедствий крови».]

Глаза Чанькуня Чжуоюя загорелись, и он тут же спросил:

— О? Такой мастер действительно достоин восхищения. Не могла бы Глава секты рассказать мне больше о нём?

Ли Синлунь внутренне застонал. Учитель, проснитесь! Человек с таким безвкусным именем, как «Сюэ Цяньцзе», никак не может быть вашим прошлым «я»!

<http://bllate.org/book/14629/1297987>